

Василий Аксенов

СВЯЖСК

Часть сборника
Звездный билет (сборник)

Василий Аксенов

Свияжск

«ЭКСМО»

1990

Аксенов В. П.

Свияжск / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1990

ISBN 978-5-425-02792-4

«Семья наша никогда не страдала от переизбытка родственников. Революция, война и чистки повыбили немало, да и многодетностью мы, Шатковские, никогда не отличались. Ходили, правда, слухи о каком-то колене, отделившемся от основного древа в отдаленные времена, чуть ли не в период столыпинских реформ, и подавшемся на Дальний Восток в какой-то полумифический шахтерский край. Якобы пустило там это колено многочисленные корешки в девонский слой, расцвело и зашумело ветвями на долгие десятилетия и шумит будто бы и по сей день...»

ISBN 978-5-425-02792-4

© Аксенов В. П., 1990

© Эксмо, 1990

Василий Павлович Аксенов

Свияжск

Семья наша никогда не страдала от переизбытка родственников. Революция, война и чистки повыбили немало, да и многодетностью мы, Шатковские, никогда не отличались. Ходили, правда, слухи о каком-то колене, отделившемся от основного древа в отдаленные времена, чуть ли не в период столыпинских реформ, и подавшемся на Дальний Восток в какой-то полумифический шахтерский край. Якобы пустило там это колено многочисленные корешки в девонский слой, расцвело и зашумело ветвями на долгие десятилетия и шумит будто бы и по сей день.

Связи, однако, с этими дальневосточниками не было никакой, и на чем стояла эта легенда, понять невозможно. Может быть, просто, увы, принималось желаемое за действительность. Всегда в хиреющем нашем клане при разговорах о дальневосточниках как бы присутствовала одна невысказанная мысль – мол, если даже мы все засохнем, то уж они – никогда. Впрочем, год за годом, десятилетие за десятилетием, но даже и пышный этот миф стал худеть, и в последнее время за редкими межсемейными застольями (чаще всего тезоименитства деда Виталия) упоминание о дальневосточниках стало уже считаться чем-то вроде дурного тона. К тому же и дед Виталий уже несколько лет как отправился в вечную командировку, а стало быть, и застолья прекратились, и все очень быстро зацементировалось.

Я ловлю себя за руку на перекрестке двух пустынных московских улиц под беспощадным праздничным небом – стой, одинокое пустое существо, оглянись в отчаянии! Пятьдесят лет, ветхая дубленочка, дурацкая профессия тренера по баскетболу, вегетативная дистония... порог старости, утекающие силы...

В молодости и даже позже, в победительные мужские годы, помышляя с улыбкой о старости, я всегда почему-то представлял себе крепкий деревянный дом, двухэтажный, с мансардой, вроде родового имения (откуда?), полный жизни, кишаший детьми, животными, полный музыки и щебетания, и я в нем – глава, некий чудаковатый румяный старик в свитере и отличных сапогах, надо мной слегка посмеиваются, но, конечно же, почитают и обожают. Источник этой коннектикутской идиллии совершенно неясен, скорее всего, фильм какой-нибудь.

Разводы, первый, второй и, наконец, третий, вконец измучили меня. Где-то раскиданы по Москве ненавидящие меня женщины, среди них взрослая дочь. Бесконечные разделы жилплощади и связанные с этим обмены привели меня в конце концов в однокомнатную квартиру, в гигантский, длиной в полкилометра, дом о двадцати этажах без особых примет.

В тот вечер закатный свет разделил наш дом на два равнобедренных треугольника. Я поднялся на верхнюю ступеньку подземного перехода, ведущего из метро к микрорайону, и меня вдруг всего свело от безысходной тоски. Что это за мир, если в нем не осталось ни одного потаенного милого звука, ни одной исторической, то есть одушевленной, формы?

Морозное небо с дымами теплоцентрали и отдаленной химии, гигантское по фасаду словосочетание «Выше знамя пролетарского интернационализма!».

Все прошло, ничего не осталось... Со мной ли случилась прошедшая жизнь? В ужасе, будто хватая воздух ртом, боясь задохнуться в любую минуту или размазаться в крике по кафельной стене подземного перехода, я стал беспорядочно перебрасывать черные нечитаемые страницы... нечитаемая книга, темная... пока вдруг, как спасение (надолго ли?), мелькнул краешек света: пионерский лагерь «Пустые Кваши» над Свиягой, лежу после футбола в траве, гляжу на ранние звезды над бором, думаю почему-то о фантастической Венеции, чувствую бесконечное благо, бесконечное чье-то присутствие, ликование предстоящей жизни...

Что же получилось? Что открыло мне мое высшее натуралистическое физиологическое образование? Даже тайны клетки не открыло, такой малости. Вот так и сдохну здесь в подземном переходе от удушающей тоски, ничтожный и одинокий, потративший свою жизнь на прегрешения с мячом. Внезапно, как и явились, пропали «Пустые Кваши», серое облако с немимым ревом окутывало меня, я не мог ни двинуться, ни остаться на одном месте, никому не пожелаю испытать такое состояние, когда не можешь ни двинуться, ни стоять на месте.

Вдруг оказался в людском потоке один добрый молодой человек. Очевидный провинциал, длинные волосы, спускающиеся из-под меховой шапки, делали его похожим на семинариста. Что с вами, спросил он, вам как-то не по себе? Вот странный юноша. У нас ведь здесь и через упавшего переступают, а я просто стоял. Просто, очевидно, меня вегетативная дистония сжала или, по выражению Льва Николаевича, «арзамасская» охватила тоска.

Светло-серые глаза внимательны и неформальны. Я улыбнулся через силу и сделал жест ладошкой – ничего, мол, полный хоккей. Он улыбнулся, на секунду притронулся к моему плечу рукой в вязаной белой перчатке и пошел прочь, но обернулся все-таки метров через пять, и вот, странное дело, такая малость – этот вопрос, прикосновение к плечу, улыбка и совсем уже внепрограммный поворот головы будто бы оживили меня, подействовали словно какая-то могучая инъекция.

Есть люди, способные передавать свою прану другим. Приятель, увлекающийся Востоком и эзотерическими теориями, давал мне недавно некий манускрипт, размноженный на ксероксе. По сути дела, как раз такими людьми были святые, говорил манускрипт. Все чудеса Христа не метафора, а реальность, ибо Ему свойствен был высший дар передачи праны. Человек же, находящийся в особом болезненном состоянии, ну, скажем, охваченный вегетативной дистонией, воспринимает прану гораздо активнее прочих, ему иногда и простой улыбки-то пробегающего мимо гражданина бывает достаточно, чтобы на время спастись.

Я вышел из подземного перехода, не без некоторой даже бодрости думая о том утешительном, что почерпнул из полузапретного манускрипта. Запасы праны в мире неисчерпаемы. Учитесь передавать прану, усвойте, что, передавая прану другому, вы не тратите, а, наоборот, увеличиваете ваш собственный запас.

Раньше, когда подобных манускриптов в Москве и в помине не было и когда я просто-напросто был моложе на десять лет, я, кажется, очень неплохо умел передавать свою прану другим. Во всяком случае, я умел передавать ее команде. Такое иногда случалось в напряженнейшие моменты матчей. Я брал тайм-аут, ребята окружали меня, и... возникало какое-то особое состояние, я как будто вздымался до высоты своих гигантов. Я говорил обычное: «Держи его плотнее», «Пробуй свои броски», «Проходи по центру», и ребята кивали, но смысл этих наставлений в такие моменты им был не нужен. Все тогда говорили: «У Шатка вдохновение», а вот сейчас я понимаю, что излучал могучие волны праны. Ребята заряжались в этих волнах. В такие моменты я всегда понимал, что мы выиграли.

Теперь от меня не прана исходит, а муть и тоска, похожая на застойные ссаки. Теперь моя команда выигрывает только у тех, кто заведомо слабее, да и то по инерции. Уже несколько сезонов мы проигрываем «Танкам» без всякой борьбы, а раньше хоть и проигрывали этой военной машине, но всегда дерзко, наступательно, а то и выигрывали иногда.

Конечно, я знаю эту странную игру, ставшую моей жизнью, так, как мало кто ее еще знает, опыт у меня огромный, и в Федерации меня ценят, но в напряженные моменты матчей ребята больше не окружают меня горячим плотным кольцом, а стоят расслабленные, словно усталые жеребцы, и вяло кивают. Иссякло мое вдохновение, и все цементируется.

В этом манускрипте цитируется индийский йог Свами Кришнадевананда, гласящий, что всякий должен ощущать постоянное присутствие Всемогущего, с которым соединяет

тебя твоя бессмертная душа, физическое же тело есть храм Бога, астральное же тело – это человеческая суть, малый залив в безбрежном океане мировой энергии, которая пульсирует вместе с тобой, вместе с каждым под метроном данного нам свыше священного слова ОМ.

Десять или пятнадцать лет назад, в разгаре побед, если бы я услышал слова этого йога, я бы только усмехнулся, а скорее всего, я бы их просто не услышал.

Сейчас мне кажется, что я уже ощущал этот священный метроном там, у кромки бора в «Пустых Квашах», когда лежал на спине в травах. Рядом на стебельке покачивалась очаровательная зеленая пушистая гусеница, в отдалении летела к Свияге очаровательная чайка, ветер прошел по папоротникам, конечно же очаровательным, и не коснулся очаровательных анютиных глаз, темнело минута за минутой, и звезды промывались под невидимыми, но безусловными накатами какого-то очарования, и каждое движение этой волны полностью соответствовало тому, что происходило тогда во мне, поистине я ощущал себя малым заливом гигантского океана и радовался этой причастности.

Конечно, я ничего не мог тогда знать о Боге (только и сохранилась из самого уже раннего детства мимолетная картинка – няня на коленях перед иконой, которую она обычно прятала в своем сундуке), религия была темой официальных острот, культурно-массового затейничества.

И вот сейчас я, атеист, член партии, член Президиума Всесоюзной федерации баскетбола, все время возвращаюсь к тем счастливым дням и думаю: Бог ли тогда прикасался ко мне, или просто молодое тело радовалось совершенству своих обменных процессов?

Кончай, говорит мне Яша Валевиц, человек, выполняющий в моей жизни роль лучшего друга, в чьей жизни и я под той же графой, в скобках. Ты бы о боженьке-то, Олег, поменьше бы распространялся, не к лицу это тебе, засмеют, а то и говном закидают. Вот именно обмен тогда у тебя был в порядке, а сейчас вегетативка шалит, мужской климакс, транквилизаторы надо пить, холодной водой обтираться. Перекатишься через физиологический рубеж, и будет спокойнее. Так он говорит с нарочито неправильным ударением, и я соглашаюсь, перевод всего этого дела в житейский аспект и впрямь успокаивает меня. Должно быть, в соображениях Валевица есть некая часть правды, думаю я. Киваю Якову, а сам начинаю думать о своей няне Евфимии Пузыревой, о ее ночных молитвах. В последнее время она мне часто стала вспоминаться, из пучин забытой жизни все чаще стало выплывать ее лицо. Я ни с кем этими воспоминаниями не делюсь, да и с кем мне, собственно говоря, делиться, кроме Валевица, а ему смешно рассказывать о няниных молитвах.

Старухе тогда, должно быть, было столько же лет, сколько мне сейчас, хотя она давно уже считалась старухой, а я вот до сих пор еще в кавалерах. Вот ее-то, должно быть, и в самом деле мучил климакс, разладилась вегетативная система, терзали страхи, навязчивые мучения, эдакая глухомань жизни. Просыпаясь иногда по ночам, я слышал, как она ворочается в темноте и бормочет: «Пресвятая Богородица Царица Небесная, спаси и помилуй». Шепот этот наполнял меня уютом и лаской, я вновь уходил в свой счастливый сон, обещающий новый счастливый день. Вот сейчас-то я понимаю, как туго тогда было моей несчастной няне, засыхающей без цветения девушке.

* * *

Однажды посреди ночи я увидел ее на коленях. На полу лежал квадрат лунного света, и в этом квадрате стояла Евфимия на коленях в своей серой деревенской самотканой рубаше, на затылке куцая косичка. Она била поклоны перед иконой, которую обычно прятала в своем сундуке. Однажды я заглянул в сундук и спросил няню, что там такое. Образ, строго сказала она, поджала губы и прикрыла сундук. Сейчас она шептала горячим любовным шепотом: «Господи Иисусе, спаси и помилуй дитяню малую сию, родителей ея и рабу грешную Твою!

Глянь с небес на нас, усталых, и дай нам силы! Обороны нас от лукавого и обогрей! Слава Тебе, Господи, и ныне, и присно, и вовеки веков!..»

Она опустила лицо в ладони, и плечи ее затряслись от рыданий, а потом, когда она обернулась, я увидел на ее лице удивительную молодую радость, она словно помолодела на двадцать лет, как будто снова стала вятской девчонкой, приехавшей в большой город за своим скромным счастьем. Она склонилась к «дитяте» своей, чтобы поцеловать, и «дитяте» тут же прикрыл глаза, прикинулся спящим. Мне кажется, что и тогда, в неполных четыре, я понимал, что происходит некое таинство и нельзя его нарушать, а может быть, тогда я понимал это лучше, чем когда-либо.

Как соотносить с Богом баскетбольное первенство страны, бесконечные разъезды, административные дела, тренировки, совещания, турнирные сетки? Можно ли придумать более далекую от веры профессию, чем советский баскетбольный тренер? Всю жизнь религия казалась мне абсурдом, вернее, я просто о ней почти никогда не думал, а вот сейчас дело моей жизни, баскетбол, кажется мне престраннейшим и нелепейшим вздором. Все чаще я вспоминаю нянино заплаканное лицо в комнате, наполненной лунным светом, и думаю: может ли вызвать такое мощное чувство то, чего, по заверениям нашего марксистского убожества, не существует. И все чаще и чаще после этого всплывает у меня в памяти сказочный силуэт Свияжска.

В послевоенный убогий год мы как-то отправились туда за кирпичом для каких-то пионерлагерных построек. У нас был большой баркас, и мы, старшие пионеры, сидели на веслах. Иначе как на лодках в Свияжск было не добраться. Городок помещался на острове в устье Свияги, с одной стороны его омывала свияжская тихая, илистая, несущая цветение мордовских лесов вода, с другой крутая волна Волги-матушки, в те времена еще столь же крутая, сколь и прозрачная, чистая, без нефтяных пятен и мазутных колобашек.

Издали казалось, что подгребашь ко граду Китежу. Многочисленные маковки церквей и колокольные башни создавали устремленный вверх средневековый силуэт. Высадившись, однако, мы увидели, что купола сквозят прорехами, колокольни полуразрушены, кресты погнуты и поломаны, а город вымер: остатки булыжной мостовой заросли высоченным чертополохом, безмолвны покосившиеся дома с выбитыми стеклами и пустые дворы, ни кошек, ни собак, ни домашней птицы. Как будто тут чума прошла...

Пионерам стало не по себе посреди безысходной этой юдоли, все примолкли. Затих и начальник нашего лагеря, однорукий инвалид войны Прахаренко, обычно сыпавший солдатским советским юмором типа «Я вас научу родину любить», или «Дадим стране угля, мелкого, но много», или «На чужой жопе в коммунизм никто не проедет»... и так далее.

Вскоре, разумеется, пионерская фантазия стала оживать, в подвалах уже мнились детям склады оружия, может быть, даже времен покорения Казани, в торговых рядах можно было вообразить какие-нибудь там засады «беляков». Ожил и начальник, начал похрюкивать, гудеть большущим своим носопырой в адрес физрука Лидии. Последняя одна, кажется, не поддавалась никаким влияниям заброшенного града, а только лишь сбросила быстренько юбку и кофту, чтобы и здесь не упустить солнца, ибо была она фанатиком загара, ловила каждый луч, да, собственно говоря, ради загара и в пионерлагерь-то приехала, чтобы осенью, трижды ха-ха, поразить весь факультет.

Вдруг до нас донеслись некоторые звуки, увы, не шелканье затворов, не звон шпаг, а самые обыкновенные детские голоса, какое-то хоровое пение, игра на аккордеоне... Мы явно приближались к какому-то детскому учреждению. В загадочной глухомани, оказывалось, тоже размещались какие-то задрипанные пионерчики, вроде нас самих.

Детское учреждение, однако, оказалось не совсем обычным – Свияжский детский дом слепых. Мы приблизились к единственному на острове заселенному дому – длинное двухэтажное строение с обвалившейся штукатуркой, чугунные перила крыльца погнуты, будто их пытался вязать в узлы какой-нибудь сверхмощный орангутанг, но из окон, однако, пахнет прогорклой пшенной кашей, и мелькают внутри под закопченными сводами ребята в одинаковых бумазейных пилотках.

Вышел директор детского дома, тоже инвалид войны, руки, впрочем, целы, но нога на протезе. Оба начальника присели на крыльце, закурили, заговорили по-свойски – где воевал, кого знал, – они очень хорошо, по-товарищески смотрели друг на друга, и я впервые почувствовал симпатию к нашему Прахарю с его вечной словесной жвачкой во рту, впервые подумал, каково ему без руки, пусть жлоб, пусть солдафонище, но ведь наверняка не без ужаса иной раз посматривает на культу.

Поговорив о войне, начальники перешли на нынешние профессиональные темы как руководители близлежащих детских учреждений. Да как же вы тут проживаете, островитяне, удивлялся наш начальник, ну летом еще туда-сюда, но зимой-то? Зимой как раз сподручнее в смысле снабжения, возразил их начальник, саночки есть, лошаденка, а то иной раз и грузовичок из Зеленого Дола по льду пропилит, а вот летом баркас достать почти без возможностей. Кадры небось у тебя текучие, не без важности задал вопрос наш начальник. Он бросал по сторонам вороватые взгляды, выискивая Лидию, а потом, обнаружив ее совсем неподалеку, непонятным образом искажил свою малопривлекательную пасть.

Физручка между тем, не обращая ни на кого внимания, загорала, прислонившись к стене заброшенной церкви. Лицо с закрытыми глазами поднято к солнцу. Спортивные ноги и руки слегка подвывернуты, чтобы загорали не только наружные, но и внутренние поверхности.

Кадры? Начальник слепых был этим вопросом почему-то слегка смущен. Нет, браток, кадры тут у меня стабильные, техническим персоналом полностью укомплектован. Да чем же ты их держишь в здешней-то разрухе, удивился наш начальник.

Начальник слепых замялся с ответом, но тут вдруг поблизости брякнуло железом по железу, некое подобие звона. Из детского дома, на ходу вытирая руки и поправляя платок, шустро выскочила старушка-оборвашка, просеменила через улицу и потянула скрипучие церковные двери. Удивительно – полуразрушенная церквушка, на которую опиралась наша солнцепоклонница, оказалась внутри живой: там теплились свечи, поблескивала тусклая позолота алтаря; донеслись старушечьи голоса, выводящие нечто загадочное для пионерских ушей «...и ныне... и присно... и во-о-о-ве-ки-и...», запахло изнутри чем-то вроде канифоли...

Вот этим и держим здешние кадры, смущенно сказал одноногий начальник. Одна церквушка осталась да попик еле живой, почитай, на сто километров в округе. Наука повсюду восторжествовала, это известно. Здесь раньше-то, в Свияжске, три собора было, два монастыря, малых церквей до десятка, торговля шла немалая перевалом на мари и мордву, русский капитализм проводил колониальную политику. Сейчас, конечно, ничего нету, потому что не нужен народу этот остров. Пока еще мы вот здесь слепых учим, а как переведут нас в Зеленый Дол, совсем здесь все илом затынет. Без надобности. Однако пока что здесь живем, а монашки остаточные у нас в техничках числятся. Между прочим, показатели по санитарии и гигиене у нас первые в районе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.